

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Вакио ФУДЗИМОТО, профессор Осакского государственного университета (Япония). Сфера научных интересов — история России, ее Дальнего Востока. Автор ряда работ по названной сфере интересов. Постоянный активный организатор и участник российско-японских симпозиумов.

1. Революция на местах

Октябрьская революция в России была революцией рабочих, солдат и крестьян, которые после взятия власти в свои руки во всероссийском масштабе создали советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов.

Однако в национальных окраинных районах, на долю которых приходилось больше половины населения императорской России, долгое время после Октябрьской революции советской власти не было. И даже можно сказать, что власть, установленная под именем Советов, не всегда была таковой по своему характеру. Нужны детальные исследования, чтобы установить это. Во всяком случае, в ходе всеобщей гражданской войны, начавшейся в 1918 г., она частично терпела крах. В этой связи хотелось бы более подробно поразмышлять о теории революции на местах.

Разумеется, эта революция, как и другие, сопровождалась военным вмешательством империалистических стран — Англии, Франции, США, Японии и др., продолжавшимся четыре с лишним года.

Военная интервенция Японии, так называемая «сибирская экспедиция», разворачивалась на Дальнем Востоке России к востоку от Байкала (этот район назывался по-разному — Сибирь или Дальний Восток; мы будем называть его Дальний Восток). Советская власть, установившаяся здесь (во время интервенции) с конца 1917 г. по весну 1918 г., полностью прекратила свое существование к осени 1918 г. В последние годы отчетливо выяснены намерения Японии в период интервенции. Однако все еще неясно, как советская власть ей противостояла.

Думается, самой серьезной причиной падения советской власти в начальный период была мощная военная сила иностранных империалистических армий. И все же необходимо задаться вопросом о реакции народных масс на антисоветские силы и интервенционистскую армию. В силу этого встает вопрос о характере русской революции на Дальнем Востоке, способах установления советской власти. Недостаточно исследованы также отношения советской власти с другими организациями.

2. Накануне революции

Русский Дальний Восток к востоку от Байкала — это район, который в середине XIX в. находился под управлением генерал-губернатора Восточной

Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. По административному делению накануне революции он состоял из Забайкальской области под началом иркутского губернатора (центр Чита)¹, приамурского генерал-губернатора Амурской области (центр Благовещенск), Приморской области (Владивосток), Сахалинской области (Александровск), Камчатской области (Петропавловск). На январь 1917 г. население здесь насчитывало 2 млн. 40 тыс. чел., его состав был следующим: Забайкалье — 1 072 000 чел. (городское население — 0,3 млн. чел., сельское 772 тыс.), Амурская область — 326 тыс. чел. (городское — 66 тыс. чел., сельское — 260 тыс.), Приморская область — 556 тыс. (городское — 194 тыс. чел., сельское — 362 тыс.), Сахалинская область — 43 тыс. чел. (городское — 14 тыс.чел., сельское — 28 тыс.), Камчатская область — 41 тыс. (городское — 3 тыс., сельское — 38 тыс. чел.)².

Доля сельского населения в совокупности варьируется в зависимости от местности, но оно составляло приблизительно 72 % (в январе 1917 г. в России в целом сельское население составляло 84,7 %).

Переселение из Европейской России на русский Дальний Восток началось с середины XIX столетия. По Айгуньскому договору 1858 г. Россия заняла левобережье Амура, а по Пекинскому договору 1860 г. от Цинского Китая к России отошла зона к востоку от р. Уссури (Приморье). В 1861 г., после выхода манифеста об освобождении крепостных крестьян были разработаны положения о поощрении переселения в этот район. Одной семье предоставлялось право бесплатного пользования в течение 20 лет 100 десятинами земли (одна десятина приблизительно соответствует гектару).

Забайкальское казачество, игравшее роль пионеров в колонизации русского Дальнего Востока, и соединения амурского и уссурийского казачества, развернутые в пограничной зоне и предназначенные для охраны границ, наделались обширными земельными владениями. Из-за неурожая в Европейской России число переселенцев возросло в 90-е годы XIX в., но к этому времени хорошие земли были уже разделены. Поэтому в 1900 г. правительство ограничило площади, передаваемые во владение новым переселенцам, 15 десятинами в расчете на одного мужчину. Переселенцы до 1900 г. назывались «старожилами», а после этого времени — «новоселами».

И все же в отличие от Европейской России на русском Дальнем Востоке оставались обширные неосвоенные земли, в деревне не было перенаселения. Характерно, что почти 3/5 всей земли занимали императорские владения (в Приморье — 1/4), часть пахотных земель отдавалась для предпринимательского пользования на длительный срок и в больших размерах главным образом богатым крестьянам и богатым казакам. Казачество занимало 1/5 всех земель, 90 % их не использовалось.

Масштабы землепользования у казаков, старожилов и новоселов были различны.

Наибольшее различие в средней земельной площади на одно хозяйство наблюдалось в Забайкалье. Там казаки владели землей по площади в 6,7 раз большей, чем у новоселов, старожилы — в 2,3 раза. Различие между казаками и старожилами было не так велико в Амурской области и Приморье. Наибольшая площадь земли оказалась у новоселов Амурской области, но это в силу того, что не учитывалось качество земли. Вообще новоселы наделались плохой землей — в тайге и на каменистых склонах. Однако доля земли, занимаемой богатыми крестьянами, на русском Дальнем Востоке была намного больше, чем в Европейской России. Очень большой удельный вес приходился на казачество, в частности, в Забайкалье в 1917 г. казаков было 250 тыс. чел., которые, занимались главным образом скотоводством. Амурских казаков на

считывалось 48 тыс., уссурийских — 45 тыс. Особенностью Забайкальской области было то, что самым крупным коренным населением в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке числились буряты. Жили они и в соседней Иркутской губернии, занимаясь земледелием и скотоводством, а в Забайкальской области — в основном скотоводством.

Однако политика царского правительства в отношении бурят была жесткой: их земли в период с 1897 по 1918 г. были отрезаны в императорский фонд или старожилам, сокращены на одну треть (с 6 млн. 80 тыс. до 4 млн. 720 тыс. десятин). Для обеспечения поставок мяса в период русско-японской войны и первой мировой войны сюда направлялись особые экспедиционные отряды, и скотоводству был нанесен сильный удар. В результате в Забайкалье в дополнение к противоречиям между казаками и крестьянами, старожилами и новоселами существовали также национальные трения.

Из других аборигенов на русском Дальнем Востоке (по тогдашнему официальному выражению — коренные инородцы) наиболее многочисленными были чукчи — около 13 тыс. чел. (в 1919 г.). Но по мере колонизации они становились меньшинством. Всего в районе от Байкала до Тихого океана проживали 80 народностей.

Амурская область была центром сельского хозяйства, здесь зарождалось предпринимательство, возникало крупное капиталистическое сельское хозяйство. По оснащенности механизмами оно уступало Европейской России, но превосходило Сибирь. В 1917 г. область занимала первое место по производству пшеницы в расчете на одного человека. 90 % сельскохозяйственных машин и орудий импортировалось из США. По производству муки Благовещенск стоял на 3-м месте в России.

Одной из особенностей Приморья являлся многонациональный состав населения.

Большую долю населения, согласно переписи 1914 г., составляли иностранцы — корейцы, китайцы, японцы. Эта доля в городах достигала 27 % (во Владивостоке — 41 %), в деревне — 12 %².

Корейцы, не имевшие земли, нанимались к русским в качестве сельскохозяйственных рабочих или к натурализовавшимся корейцам, либо обрабатывали арендованную землю. Это особенно заметно в районе Уссури. Заработная плата корейцев здесь составляла половину от зарплаты русских, арендная плата у русских равнялась 5 руб. за десятину, а у корейцев — 20—25 руб. В этом районе казаки и старожилы, имевшие большие наделы земли, считали, что более выгодной является сдача земли корейцам и китайцам, чем ведение хозяйства с помощью наемного труда. Следовательно, отсутствие помещиков, то, что обычно приводится в качестве особенности русского Дальнего Востока, пожалуй, не подходит к этому району. Особенностью здесь являлись большая доля, занимаемая новоселами в Приморье, и дешевая иностранная рабочая сила, не имевшая земли.

Нет твердо установленных данных относительно числа рабочих на русском Дальнем Востоке, приводятся различные цифры. По подсчетам владивостокского исследователя А.И. Крушанова, в 1913—1914 гг. было приблизительно 250 тыс. чел., в этом числе преобладали железнодорожные рабочие — 77 тыс. Рабочих горнодобывающей промышленности (большинство из них — на золотых приисках) было 52 тыс., рабочих рыбных промыслов — 33 тыс. чел. Примечательна доля, которую составляли китайцы и корейцы среди рабочих горнодобывающей промышленности. Она в этой отрасли составляла в Приморье (1913 г.) — 80,7%, в Амурской области — 85,9 %.

Концентрация рабочих заметна на юге Приморья и прежде всего во Владивостоке. Это железнодорожные рабочие, рабочие-металлисты, строители. Их отличала высокая организованность, и это обстоятельство сделало район центром рабочего движения на русском Дальнем Востоке.

3. Февральская революция и возникший строй

Известие о Февральской революции на русский Дальний Восток, который был более всего удален от Петрограда, пришло 2—5 марта. Правительственные органы, как всегда, пытались скрыть эту новость. Реакция на это событие началась прежде всего в городах. Например, в Чите, в центре Забайкалья, весть о свержении царя широко распространилась, несмотря на цензуру. Люди с раннего утра начали собираться на почте, телеграфе и в редакциях газет. 3 марта в г. Чите открылась конференция общественных организаций, созванная городским собранием, было принято решение о создании Комитета общественной безопасности, сформированного из представителей общественных организаций и политических партий. Социал-демократическая партия Читы, организованная на русском Дальнем Востоке как единая фракция, имела большинство в этом комитете. Но при избрании президиума уступила место председателю лидеру буржуазных либералов Дудукалову, а на пост вице-председателя выдвинула члена второй Государственной думы меньшевика Анисимова.

В тот же день, 3 марта, когда новость о революции достигла Приморья, во Владивостоке буржуазные либералы, эсеры и меньшевики, представлявшие кооперативы и общество книголюбов, взяли инициативу в свои руки. И потребовали, чтобы в городе был «организован Комитет общественной безопасности во имя охраны порядка, защиты от контрреволюционных действий, могущих возникнуть со стороны старого строя». Комитет общественной безопасности, созданный после этого городским собранием, работал под началом городского головы Ющенко.

Окончательное формирование Комитета общественной безопасности в Благовещенске произошло с небольшим опозданием, 6 марта. В него вошли представители городского собрания, общественных организаций, офицеров, солдат, железнодорожных служащих, матросов, а также сформированные в то же время исполкома рабочих и крестьянских депутатов.

Таким образом, комитеты общественной безопасности, возникшие после Февральской революции и поддержавшие на местах Временное правительство, не испытывали на русском Дальнем Востоке сопротивления со стороны старого строя, так как сформировались на его основе и включили элементы старой системы. Комитет общественного спасения Читы так понимал свои обязанности: 1) организация новой власти на местах; 2) надзор за действиями существующей старой власти. На это ясно указывает то обстоятельство, что полиция не была сразу же распущена.

Почти параллельно с процессом формирования Комитетов общественной безопасности в главных городах формировались советы. Во Владивостоке 3 марта состоялась сходка рабочих, солдат и матросов, была выбрана комиссия для проведения выборов в советы. И уже на следующий день, 4 марта собрались 77 делегатов, выбранных по норме 1 делегат от 50 чел., был образован временный Владивостокский совет рабочих и военных депутатов, создан исполнительный комитет, председателем которого стал меньшевик Гольдбрейх. Согласно резолюции, принятой в этот день, 5 чел. из исполнительного комитета вошли в состав Комитета общественной безопасности. В состав

НА СНИМКЕ: В. ЛАРИН (первый слева в третьем ряду),
В. КОЖЕВНИКОВ (первый слева в первом ряду),
В. ФУДЗИМОТО (первый справа в первом ряду) во время встречи в Японии.

исполнительного комитета вошли 34 чел., по 17 чел. соответственно от рабочих и армии.

В Чите, где выборы в советы начались с 4 марта, первое заседание совета состоялось 5 марта. Присутствовали 34 представителя от рабочих, 132 представителя от солдат, казаков и офицеров, был избран исполнительный комитет во главе с меньшевиком Е. Преображенским из 28 чел. (делегаты от рабочих 7 чел., от города 7 чел., от солдат 14 чел.). У Читинского совета не было собственного печатного органа. «Известия Комитета общественной безопасности Забайкальской области» одновременно стали органом совета, часто проводились совместные заседания обоих органов.

В Благовещенске совет был сформирован 3 марта, раньше Комитета общественной безопасности, но, как видно было ранее, и здесь он направлял своих представителей в этот комитет.

Комитеты общественной безопасности создавались как объединенные органы организаций имущих классов, стержнем которых были либералы, и демократических организаций во главе с социалистами. Но на Дальнем Востоке отношения между комитетами общественного спасения и советами были расплывчатыми. Военные не разделялись на солдат и офицеров, Советы рабочих и военнослужащих включали офицеров, и в этом также проявляется расплывчатость.

Это еще более очевидно в Хабаровске, центре Приамурского края. Комитет общественного спасения этого города, созданный 3 марта, был коалиционным органом, в котором были представители от домовладельцев до большевика Малышева. В состав комитета вошли 10 чел. от городского собрания, включая его главу Плюснина, 20 чел. представляли жителей города

(среди них было много поддерживавших Временное правительство, типа меньшевика Вакулина).

В отличие от Читы, в Хабаровске большевик А.И. Малышев был избран председателем Комитета общественной безопасности и по совместительству городским головой. Однако, вне всякого сомнения, это произошло не потому, что данный комитет был большевистским. Инициатива формирования Хабаровского Совета оказалась в руках рабочего отдела Комитета общественного спасения. Временное правительство в качестве собственного представителя на Дальнем Востоке направило в Хабаровск комиссаром правительства Русанова, депутата Четвертой думы от трудовиков. Русанов как верховный уполномоченный Временного правительства на Дальнем Востоке осуществлял административное управление в каждой области вместе с комитетами общественной безопасности. На низшем уровне административное управление в соответствующем регионе осуществляли эти комитеты, оформленные в уездах, волостях и деревнях вместе с уездными комиссарами, в городах — вместе с городскими думами, а в волостях и деревнях самостоятельно. Но управление носило временный характер; в конечном счете предполагались введение земской системы, которой не было в Сибири и на русском Дальнем Востоке, а затем созыв Учредительного собрания.

Следовательно, комитеты общественной безопасности на местах начали движение к объединению на всех уровнях. Уже 9 марта исполнительное бюро Комитета общественного спасения во Владивостоке приняло решение преобразовать его в Комитет общественной безопасности Приморской области. Исполнительный комитет Владивостокского совета 19 марта выступил с протестом против этого, назвав состав Комитета общественной безопасности контрреволюционным, потребовал исключения из него крупной буржуазии и военной верхушки и реорганизации так, чтобы в его состав входили 25 представителей совета, 25 представителей профсоюзов и 10 — городской думы.

Результаты выборов были еще не ясны, но перевыборы комитета состоялись на собрании, открывшемся во Владивостоке 11 июня. Был избран областной исполнительный комитет из 15 человек во главе с комиссаром Временного правительства области Мильевым. От большевиков в качестве секретаря вошел Губельман, но в силу большого удельного веса Владивостока в Приморье исполнительный комитет 26 июня ввел в свой состав одного представителя из Владивостока. Было предложено включить в его состав представителей Владивостокского совета рабочих и военных, а также представителя крестьянского совета области.

Тенденция к объединению советов была реализована на съезде советов Дальнего Востока, созванном по инициативе Владивостокского совета в первой декаде мая. Это выразилось в том, что на съезде делегатов военных организаций Приамурского округа, который начался во Владивостоке 1 мая, с 4 мая приняли участие рабочие, и после этого начался первый съезд. Число участников съезда было 99: 76 от военных организаций, от рабочих — 23. Большое число участников от военных организаций связано с тем, что вначале предполагалось провести собрание именно от них. Точный состав съезда по партиям не ясен, но 71 чел. заполнили анкету, это выглядело так: социал-демократы — 25, сочувствующие им — 8, эсеры — 15, сочувствующие им — 15, остальные — 8 чел. Среди социал-демократов 12 чел. составляли большевики, делегаты от Владивостока. Однако после этого все более и более возрастала роль Владивостока как опорного пункта партии против контрреволюции на Дальнем Востоке.

На съезде обсуждались вопросы об отношении к войне и Временному правительству, об отношении к местной власти, о выборах в советы, профсоюзы и Учредительное собрание; аграрный вопрос; были приняты резолюции, основанные на эсеро-меньшевистском курсе и прежде всего о безусловной поддержке Временного правительства; избран Дальневосточный краевой комитет советов, придерживавшихся линии меньшевиков и эсеров.

Совершенно не исследованы противоречия внутри комитетов общественной безопасности областей, имевших большой вес в качестве местных органов Временного правительства на русском Дальнем Востоке. Важную роль в осмыслении противоречий между организациями имущих классов и демократическими организациями в городе играла городская дума.

На выборах в городскую думу Владивостока, проведенных в июле, социал-демократическая партия Владивостока запретила выдвижение кандидатур от беспартийных помимо «блока эсеров и социал-демократов», определила общие кандидатуры «с рабочими и солдатскими советами и партией эсеров для обеспечения победы красного блока революционной демократии, противостоящего блоку буржуазных элементов». В результате этого на выборах 16 июля, несмотря на бойкот со стороны сил имущих классов, левые получили 60—70 % голосов, и блок социалистов занял 84 места из 101. Партия кадетов имела всего 4 места.

III сессия городской думы открылась 18 августа. На ней на пост председателя собрания и его заместителя были избраны эсеры Токунов и Доэнин, а городским головой стал социал-демократ Агарев (меньшевик). На проводившихся одновременно выборах секретаря первым секретарем был избран большевик Любарский. Судя по статье «Известий Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», партии эсеров и социал-демократов в городском собрании дружески взаимодействовали по всем вопросам, но мнения разошлись по вопросу о приветственной телеграмме Временному правительству. Насколько можно видеть из этой статьи, расхождения между большевиками и меньшевиками внутри социал-демократической партии еще не дошли до организационного раскола.

Аналогичная ситуация была и на собрании новой городской думы Владивостока, открывшемся 27 июля. От имени социал-демократической партии и исполнительного комитета совета рабочих и крестьянских депутатов его приветствовал С.П. Никифоров. И в других городах русского Дальнего Востока, например, в городских думах Хабаровска, Никольска-Уссурийского эсеры и меньшевики составляли большинство.

4. Формирование революционной фракции и ее характер

II съезд советов рабочих и солдатских депутатов Дальневосточного района состоялся в Хабаровске 3—12 августа. Судя по опубликованным протоколам, присутствовали 113 представителей 18 советов. Самую большую делегацию послал Владивосток, участвовали также представители советов Сахалина и Камчатки. Партийный состав оказался следующим: эсеры — 32, меньшевики-оборонцы — 16, большевики — 13 (Владивосток — 12, Никольск-Уссурийский — 1), меньшевики-интернационалисты — 10, беспартийные — 42 чел. Вначале обсуждался вопрос об участии в Московском государственном совещании, созываемом Временным правительством. Было принято предложение эсеров и меньшевиков участвовать (40 голосами против 16, при трех воздержавшихся). Но уже на этом этапе фракция меньшевиков-интернационалистов

посчитала, что состав Московского государственного совещания является контр-революционным.

По вопросу об отношении к Временному правительству руководитель владивостокских большевиков А.Я. Нейбут от имени большевиков и фракции меньшевиков-интернационалистов предложил проект резолюции, о возможности поддержки только «правительства, сформированного революционными социал-демократами, которые несут за это ответственность». Эсер Зезефер утверждал, что когда отечество в опасности, необходима поддержка Временного правительства. Лидер владивостокских меньшевиков Агарев, хотя и указал на ошибки Временного правительства, обнаружил деликатное изменение позиции в его поддержку. В ходе обсуждения этого вопроса еще до принятия резолюции была образована согласительная комиссия. По ее предложению по этому вопросу вообще не проводилась дискуссия на пленарном заседании, было резервировано право критики и выдвижения собственных решений, а также принято к исполнению решение Центрального исполнительного комитета советов.

То, что не был улажен вопрос о власти, означает, что в советах уже возникла большая неустойчивость, это проявилось и в докладе эсера Ульянинского «Будущее советов рабочих и крестьянских депутатов после проведения Учредительного собрания». В докладе говорилось, что советы «руководили и должны руководить политической деятельностью до Учредительного собрания», но был поставлен вопрос: а что же дальше? Наиболее крайнюю позицию со стороны меньшевиков выразил Кащенко. Он сказал: «Учредительное собрание в своей деятельности должно опираться не на советы, а на весь народ. Ибо советы не объединяют весь народ России, скорее Учредительное собрание должно устранить советы. Мы должны следовать воле народа, даже если состав Учредительного собрания будет кадетским, даже если это будет так».

Но это встретило отпор со стороны большевиков. Нейбут считал, что советы имеют значение не только для России, они имеют международное значение, а Учредительное собрание не уничтожит капитал, не улучшит социальное положение народа, поэтому не отменит классовую борьбу. Следовательно, «советы должны остаться и после проведения Учредительного собрания и продолжать борьбу пролетарских масс во имя полного освобождения пролетариата», — подчеркнул он. В резолюции по этому вопросу говорилось, что советы необходимы, чтобы «идти дальше к социализму».

Съезд принял устав краевого Комитета советов как исполнительного органа, включавшего советы Приморья, Амурской, Сахалинской и Камчатской областей и района КВЖД. Он был сформирован из 9 правых эсеров, 2 левых эсеров, 5 меньшевиков-интернационалистов, 4 меньшевиков-оборонцев. Председателем комитета был избран лидер хабаровских меньшевиков-интернационалистов Вакулин. Второй съезд в отличие от первого уже имел опыт провала летнего наступления Керенского, «июльских событий», и неустойчивость на нем еще более обострилась. Об этом свидетельствует формирование собственных фракций меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров. А то, что по политическим вопросам не удавалось, как раньше, принимать резолюции по настоянию меньшевиков и эсеров, показывает отход от партийной системы беспартийных слоев.

На фоне утраты влияния на советы эсеров и меньшевиков на местах никакого решения не получали вопросы, порожденные самой жизнью: о восьмичасовом рабочем дне, о рабочем контроле и т.п. Например, никаких усилий

не было предпринято для разрешения длительного конфликта между трудом и капиталом на шахтах Сучана. Поэтому более революционно настроенные советы в Никольске-Уссурийском и Владивостоке по некоторым вопросам предпринимали собственные действия.

Подъем массового движения в борьбе против корниловского мятежа, попытки дворцового переворота справа приняли общенациональный характер. На русском Дальнем Востоке роль локомотива играл Владивосток. 28 августа, получив сообщение о корниловском мятеже, исполнительный комитет Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов под давлением рабочих решил взять власть в свои руки в городе и его окрестностях, закрыл правые газеты. Пленум совета принял резолюцию о том, что «Владивостокский Совет рабочих и солдатских депутатов, обсудив вопрос о противозаконном заговоре генерала Корнилова и его группировки, враждебного трудовому народу и революции, считает, что всем революционным демократам необходимо сплотиться вокруг Советов для борьбы с контрреволюцией». Это было оформлено 29 числа созданием Объединенного исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Владивостока, военная власть в крепости Владивостока и окрестных районов перешла в руки Объединенного исполнительного комитета «как представителя центральной власти», и об этом было заявлено в приказе №1.

До приказа выпустили воззвание Объединенного исполнительного комитета; оно гласило, что «Временное правительство должно опираться на революционную демократию, организованную в Советы, и Керенский и Временное правительство провозгласили его... Поддержим Временное правительство, опирающееся на Советы!» В состав Объединенного исполнительного комитета входили представители исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов, исполнительное бюро совета крестьянских депутатов, областного исполнительного комитета, городской управы и президиум городской думы, представители социал-демократической партии эсеров, Центрального комитета Сибирской флотилии, Центрального бюро профсоюзов, профсоюза железнодорожников. Следовательно, его можно назвать чрезвычайной коалиционной властью. Однако переход власти к Объединенному исполнительному комитету означал, что областной исполнительный комитет, существовавший как главный орган Временного правительства, обладает лишь частью власти и по существу утратил свое господствующее положение. Большевики и левые эсеры через Объединенный комитет усилили свое влияние.

Раскол объединенной социал-демократической организации, существовавшей на русском Дальнем Востоке, произошел на II Дальневосточной конференции социал-демократических организаций, начавшей в такой обстановке свою работу 5 сентября в Никольске-Уссурийском. На конференции присутствовали 15 чел., они представляли 4700 членов партии.

Дискуссия возникла по докладу Нейбута о характере русской революции и тактике в ней. Большевики утверждали, что впереди социалистическая революция, и, естественно, власть должна перейти к советам; меньшевики же настаивали на буржуазном характере революции. В результате был принят проект большевиков 9 голосами против 3 при 2 воздержавшихся. Расхождение еще обострилось по вопросу о политике в отношении выборов в Учредительное собрание. По аграрному вопросу большевики предложили национализацию земли, а меньшевики ее муниципализацию. После этого меньшевики покинули конференцию.

Но и после этого конференция продолжала свою работу, было решено широко разъяснять причины раскола, созвать во Владивостоке «Дальневосточную конференцию интернационалистов», превратить Владивостокский комитет во Временное краевое бюро РСДРП(б), сделать газету «Красное знамя» ее органом. Таким образом, из дальневосточной организации социал-демократической партии, издавна действовавшей в качестве независимой организации от центральных органов большевиков и меньшевиков, родилась большевистская партия, формально связанная с центральным комитетом партии большевиков. Эта конференция в дальнейшем стала считаться первой краевой конференцией социал-демократической партии (большевиков).

14 сентября общее собрание социал-демократической партии большевиков Владивостока поддержало Дальневосточную конференцию, приняло резолюцию «разорвать все организационные связи с меньшевиками», поддержать состав краевого бюро партии большевиков. Резолюция была принята 78 головами против 16, с небольшим перевесом — 41 голос против 33 была также принята еще более сильная поправка, предложенная Любарским, «разорвать все связи». Но в дальнейшем этот момент особенно не выделяется.

Организационная самостоятельность большевиков на русском Дальнем Востоке в конце сентября — начале октября распространяется на Хабаровск, Благовещенск, Сучан, но при этом велика была роль, которую сыграла оргпоездка владивостокцев Нейбута и Кушнарера по краю. 24 сентября в Хабаровске Нейбута встречал Голионко. Он созвал собрание 40 единомышленников, где единодушно было принято решение об организационной самостоятельности. Вспоминают, что при этом сильное впечатление произвела речь Нейбута, произнесенная с большим энтузиазмом.

Общим итогом всего этого был созыв 5—7 октября во Владивостоке II Дальневосточной конференции социал-демократической партии (большевиков) — конференции интернационалистов. После того как были заслушаны доклады с мест, конференция определила программу большевиков по выборам в Учредительное собрание, которое предполагалось провести 12 ноября, и определила 7 кандидатов. Далее газета «Красное знамя» в номерах 35 (10 октября), 39 (19 октября), 40 (20 октября) опубликовала список кандидатов, приступив к предвыборной деятельности. Конференция признала комитет партии большевиков Приморской области в качестве Дальневосточного бюро. Таким образом, большевики Дальнего Востока с опозданием по сравнению с другими районами накануне Октябрьской революции создали независимую организацию с центром во Владивостоке.

5. Крестьяне и казаки

Крестьяне и казаки русского Дальнего Востока после Февральской революции проводили свои съезды по областям. Порядок был таков: 25—29 марта — первый крестьянский съезд Амурской области, 15—22 апреля — первый съезд представителей деревни Забайкальской области; 21—24 мая первый съезд крестьян и казаков Приморской области. Эти съезды одним из главных обсуждали земельный вопрос. Например, типичной можно считать резолюцию съезда Приморской области. Вот что было провозглашено: «Частная собственность на землю в России отменяется навечно. Вся земля, ее недра и водные ресурсы должны стать достоянием всего народа. Продажа земли, сдача ее в залог должны быть запрещены законом; все граждане и организации должны иметь равное право на пользование землей при условии обработки ее личным трудом. В конечном счете земельный вопрос дол-

жен быть разрешен на Учредительном собрании. До Учредительного собрания запрещается любая экспроприация земли».

Эта резолюция выдержана в соответствии с эсеровской идеей социализации земли, но в резолюции съезда Забайкальской области очень сильно влияющие идеи муниципализации земли, на которой настаивали меньшевики: «Вся земля передается под контроль центра и органов местного самоуправления народа, которые осуществляют распределение земли». Это означало передачу ее под контроль органов местного самоуправления области, широко избранных на основе демократических принципов. Предполагалось, что передача земли на местах и регулирование поземельных отношений будут осуществляться органами местного самоуправления в меньшей степени от области, в большей степени — от общинной организации. Этот съезд организовал Крестьянский совет области, который следует назвать исполнительным органом съезда, в его бюро были избраны 10 крестьян, 8 казаков, 6 бурят.

Временное правительство 21 апреля приняло «Инструкцию относительно земельных комитетов». Согласно этой инструкции, на российском Дальнем Востоке земельные комитеты в каждой области должны начать свою деятельность с июля. Земельные комитеты создаются в областях, губерниях, уездах, волостях, они организуются снизу демократическим путем но земельные комитеты, согласно уставу, приступают к сбору необходимых материалов для осуществления предстоящей земельной реформы. Отсюда естественным является то, что земельные комитеты на уровне области были заполнены фракцией соглашателей, настаивавших на откладывании разрешения земельного вопроса до Учредительного собрания, но в земельных отношениях низшего ранга заметна другая реакция.

После Февральской революции, в противоположность тому, что в действительности шла экспроприация земли крестьянством, земельный комитет, к примеру Забайкальской области, критиковал как «нарушение закона» экспроприацию земель императорского двора безземельными и малоземельными крестьянами. Однако заметно то, что на уровне волости земельные комитеты стали организаторами экспроприации земли.

Еще одним вопросом для деревни русского Дальнего Востока было введение земской системы. Временное правительство с этой целью 17 июня выпустило устав, в сентябре — октябре предполагалось провести всеобщие выборы. Выборы в уездные земства были прямыми, а областные земства избирались по двухступенчатой системе выборщиками, избранными по уездам. Точный анализ уездного уровня отсутствует, но, судя по статье «Красного знамени» от 7 октября, результаты Никольск-Уссурийского уезда Приморского края таковы: из 12 мест у социал-демократической партии — 6, у эсеров — 4, у коалиции кадетов, домовладельцев, союза купцов и промышленников — 2. Социал-демократическая партия получила большое количество голосов гарнизона. В Никольске-Уссурийском почти не было влияния меньшевиков. Судя по работам сибирского исследователя Назимка, земство Приморской области было мелкобуржуазным, трудно было рассчитывать на крестьянский характер земств на русском Дальнем Востоке, где почти незаметно формирование советов в волостях и деревнях.

После Февральской революции проводились также съезды казачества. Таковыми были Первый съезд уссурийского казачества (11—13 марта), его Второй съезд (5—9 апреля), Второй съезд амурского казачества (21 марта — 22 апреля, Первый съезд был в 1905 г.), Первый съезд казаков-жителей Забайкалья (16 апреля). Все съезды заняли позицию обороны революционно-го отечества, но шли сильные дебаты по вопросу об упразднении казачьего

сословия. Наиболее радикальным оказался Забайкальский съезд, здесь было выдвинуто требование возвращения в прежнее сословие казаков-бурят как казаков-инородцев. Съезд решил, что «казачье сословие должно быть упразднено как пережиток прошлого и уравнено со всеми свободными гражданами России».

Однако отношения с крестьянством не были столь просты. С одной стороны, просматривалась экспроприация земли казаков бедными крестьянами, в противоположность этому со стороны казаков, например на Забайкальском съезде, было требование использовать земли императорской фамилии раньше бедного крестьянства деревни. При таких противоречиях и крестьянский совет области вынужден был 20 мая обсудить вопрос «О правах крестьянства на землю казаков, ввиду того что идет борьба». Со стороны верхушки и среднего казачества было очень сильно сопротивление утрате сословного положения, гарантированного им старым строем как особой военной касте. Съезд первого отряда забайкальских казаков, проведенный 7 июля, единогласно протестовал против упразднения Первым съездом казачьего сословия и решил его сохранить. Было решено не давать земли тем, кто вышел из казачьего сословия. Бурятские казаки требовали права на национальное самоопределение, равное в отношении всех бурят, было заявлено, что в случае его отсутствия они вернутся в рядовые буряты с сохранением земли, но съезд заявил: все земли на казачьей территории «являются неотчуждаемой собственностью забайкальских казаков».

Такие рецидивы старого проявились и на Втором съезде Забайкальского казачества. Этот съезд отклонил упразднение сословности, отклонил он и большинством в 2/3 голосов «право на немедленное слияние с остальными бурятами», выдвинутое бурятскими казаками. Для того чтобы изменить подобное положение, необходимо было подождать до января-февраля 1918 г., когда казаки вернутся с фронта.

6. Установление власти советов на Дальнем Востоке

Известие о том, что на II съезде советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде была установлена советская власть, немедленно распространилось в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако в отличие от периода Февральской революции, известие было запутанным. Ситуация в столице прояснилась после того, как делегаты II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов возвратились со столичными газетами.

Во Владивостоке сообщение о событиях в столице было опубликовано уже 29 октября в «Известиях Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов», но эта публикация появилась вместе с телеграммой, отправленной из Пскова Керенским, премьером Временного правительства, бежавшим из столицы, без каких-либо комментариев. Во всяком случае, эта же газета в номере от 1 ноября поместила обращение с призывом поддержать порядок в городе: «Не прекращать повседневную работу. Усилить сохранность грузов, продолжать работу в порту, не проводить в городе никаких забастовок без разрешения Объединенного исполкома советов рабочих и солдатских депутатов».

Первая телеграмма от делегатов II съезда советов в этой газете появилась 7 ноября. Она была от Бугаева из фракции левых эсеров и состояла в следующем: «На рассвете 26 октября в Петрограде произошла бескровная революция. Временное правительство свергнуто Петроградским советом. Гарнизоны Петрограда и Кронштадта на стороне советов. Порядок не разрушен. Открылся II Всероссийский съезд советов, подавляющее большинство поддер-

живает революцию. Необходимы спокойствие и выдержка на местах. Об этом уведомляем совет».

Намного раньше владивостокские большевики на общем собрании 2 ноября приветствовали советскую власть в Петрограде, потребовав в то же время отставки комиссара Временного правительства Русанова по причине контрреволюционности. А 5 ноября приступили к перевыборам исполнительного комитета Владивостокского совета, издавна находившегося в противоборстве с эсерами и меньшевиками. В результате перевыборов состав выглядел таким образом: большевики — 18, эсеры — 11, делегаты военных организаций — 6, меньшевики — 3, беспартийные — 2, большевики и сочувствующие им заняли большинство в составе исполнительного комитета. Председателем совета избрали большевика Нейбута, а после того как в конце года Нейбут уехал в Петроград, его сменил Суханов. Следовательно, одной из серьезных причин того, что в печатном органе советской власти не появлялось известий о революции в столице, был прежде всего характер исполнительного органа.

8 ноября чрезвычайное собрание совета приступило к созданию рабочей Красной гвардии. Против самостоятельного вооружения рабочих запротестовали солдаты владивостокского форта: «Мы уже являемся революционной армией, которая всегда готова защищать свободную Россию». В ответ на это левый эсер Уткин, представлявший исполнительный орган совета, настаивал на следующем: «Мы, социалисты, согласны с всеобщим вооружением народа. Однако кроме принципиальных доводов, существуют и практические соображения. Самое важное среди них состоит в том, что, если товарищи солдаты выступят на подавление каких-либо инцидентов, часть общества будет рассматривать их как душителей наподобие Ренненкампа. Однако если вместе с ними выступят отряды рабочей Красной гвардии, то уже не будет никакой возможности, чтобы отряды солдат рассматривались как карательные отряды по отношению к трудящемуся народу».

Таким образом, во Владивостоке началось вооружение рабочих для охраны новой советской власти, и оно распространялось на весь Дальний Восток в целом. Вместе с тем в «Известиях Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 14 ноября впервые были опубликованы «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Это произошло после того, как большевик Раев, присутствовавший на II съезде советов, вернулся с декретами и столичными газетами. Раев выехал из Петрограда 31 октября курьерским поездом, а во Владивосток прибыл 13 ноября.

Общее собрание совета, открытое 28 ноября, после трехчасовых дискуссий 138 голосами против 52 при 3 воздержавшихся поддержало по предложению большевиков центральную советскую власть, приняло резолюцию, что «Объединенный исполком Владивостока во имя интересов поддержки революции призывает всех граждан к подготовке отпора контрреволюции, выполнит все решения советской власти». Далее Объединенный исполком заявил о взятии власти в городе: «Объединенный исполнительный комитет является высшим городским органом, который выполняет волю центральной советской власти, осуществляет функцию представительного органа во всем городе, проводит регулирование, контроль и организацию его жизни», принял решение организовать военно-революционный комитет из 5 человек для противодействия бойкоту со стороны чиновников старых правительственных органов, передал всю власть во Владивостоке этому комитету.

В других городах Приморья было провозглашено взятие власти советами почти аналогичным образом. В Никольске-Уссурийском, который являлся узловым пунктом Уссурийской железной дороги, а также местом дислокации войск, — 30 ноября, в Хабаровске, расположенном в месте слияния рек Амура и Уссури, административном центре Приамурской области, где было сильно влияние меньшевиков и эсеров, — 16 декабря³.

В Хабаровске во второй половине ноября гарнизон и Амурская флотилия приняли решение о немедленном переходе власти к советам, 29 ноября на общем собрании советов было принято решение о переизбрании исполкома. В результате этого большевики и левые эсеры составили большинство. 6 декабря на общем пленуме советов 82 голосами против 28 при шести воздержавшихся была принята резолюция о поддержке советской власти в центре и всех ее декретов.

Таким образом, в Приморье советская власть установилась спустя почти месяц после переворота в столице. К тому же это произошло почти мирным путем, без вооруженной борьбы. Здесь хотя и было объявлено о взятии власти советами, это не сопровождалось немедленным разрушением старых порядков. Вместе с тем существует факт естественной «смерти» меньшевиков и эсеров, ставших меньшинством во всех советах Приморской области. То есть эсеры и меньшевики сопротивлялись III съезду советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока. 13 декабря⁴ при помощи комиссара Временного правительства на Дальнем Востоке Русанова было созвано собрание земств Дальнего Востока и делегатов городского самоуправления, в качестве органа власти была предпринята попытка создать «Временное бюро земств и городов». Однако собрались делегаты лишь 9 организаций, а на рассвете следующего дня Русанов был арестован.

12—20 декабря в Хабаровске состоялся III Краевой съезд рабочих и солдатских депутатов, собравший 17 советов (среди 84 делегатов большевиков было 46, левых эсеров — 27, меньшевиков — 9, беспартийных — 2). На этом съезде, кроме советов Владивостока, Никольска-Уссурийского и Хабаровска, участвовали также Благовещенск и Харбин. Это было сплочение советов к востоку от Амура. Съезд поддержал советскую власть в центре, принял резолюцию об осуществлении всех декретов, избрал председателем большевика Краснощекова, который бежал из сибирской ссылки, был адвокатом в Америке и участвовал в социалистическом движении⁵.

Однако сложность дальневосточного региона состояла в том, что при этом не была установлена система всеобщего господства советов. Параллельно с ними по-прежнему сохранялись земства и городские думы. Советская власть не стремилась к их быстрому демонтажу. Совместный проект резолюции большевиков и левых эсеров, предложенный на этом съезде, говорил о том, что долгом советов является выполнение всех решений II Всероссийского съезда советов и всех декретов Народного комиссариата⁶, но говорилось также, что «осуществление всех декретов должно соответствовать условиям на местах для того, чтобы углублять и расширять задачи, выдвинутые российской революцией, а также для того, чтобы бороться с буржуазной контрреволюцией; необходима совместная тесная деятельность местного самоуправления и советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», — она была принята 53 голосами против 1.

Этот факт прежде всего говорит о том, что связь органов союзных государств, существовавших во Владивостоке, и антисоветских партий с диплома-

тическим корпусом создавала опасность военного вмешательства в революцию, о стремлении избежать интервенции армий иностранных государств.

Во-вторых, речь идет о характере земств дальневосточного региона. Земства на Дальнем Востоке были введены в конце 1917 г. Земства, которые в европейской России считались органами помещиков и деревенской буржуазии, в этом регионе, где не было крупного помещичьего землевладения, скорее нужно считать организацией в деревне, близкой к массовой. Деревенские советы все еще не существовали в деревне как власть большинства. Следовательно, делегаты от деревни не присутствовали и на этом съезде.

III съезд советов Дальнего Востока, таким образом, определил коалицию с земством по вопросу о власти. Состав Центрального исполнительного комитета был представлен 6 делегатами советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с добавлением 5 депутатов от земств (по 2 от Приморья и Амурской области, от Николаевска-на-Амуре и Сахалина — 1). Однако в конечном счете при участии земства Приморского края не участвовали другие земства, впоследствии сложилось мнение, что это была тактическая ошибка большевиков Дальнего Востока, но можно сказать, что существовала специфика дальневосточного региона, которая заключалась в слабом влиянии советов в деревне.

С другой стороны, становление советской власти в Амурской области и Забайкалье сопровождалось вооруженной борьбой. В Благовещенске, центре Амурской области, 5 января 1918 г. проходило переизбрание советов, здесь большевики имели 2/3 мест. А председателем исполнительного комитета был избран большевик Мухин. 13 января исполнительный комитет признал единственной властью Совнарком, принял резолюцию о том, что в регионе вся полнота власти находится у Комитета дальневосточного региона, сформированного на III съезде советов Дальнего Востока. Однако и здесь до марта продолжалась линия согласованного курса с земствами Амурской области, зависимыми от казачьих войск, или двойная власть. IV крестьянский съезд Амурской области, состоявшийся 25 февраля — 3 марта (по европейскому стилю. С февраля 1918 г. российский календарь был официально упразднен, осуществился переход на европейский календарь), поддержал советскую власть, пришел к требованию роспуска земств. В ответ на это правый эсер Гамов, атаман Амурского казачества, поднял мятеж и занял центр города. В этом мятеже участвовал японский «отряд самообороны» под руководством майора Исимицу Синсэй и капитана Накаяма Бан. Японская армия называла это «благовещенским мартовским переворотом». Со стороны Японии это был первый крупный вооруженный инцидент, он считается одним из примеров осуществления замыслов японской армии.

Штаб был сформирован в 1914 г., об этом говорит официальная «История экспедиции в Сибирь в 1918—1922 гг.», где речь идет о военной интервенции Японии в Сибирь.

Во время начала боев 6 марта японский отряд самообороны «требовал у муниципалитета снабдить 50 винтовками» «русских из антибольшевистской партии». После того, как бои между советами и казаками, русским офицерам и отрядам самообороны продолжались до вечера 8 числа, между обеими сторонами были проведены мирные переговоры, но японская сторона вмешалась в них. Приведем выдержку из «Экспедиции в Сибирь».

«В этот день в 4 часа пополудни офицеры Дальневосточной армии пришли на казачий съезд, предложили мир, однако в 8 часов вечера на станции встретились делегаты от партии экстремистов (большевики. — **В.С.**) и каза-

чий атаман Гамов, при сем присутствовали представители нашего отряда самообороны, но не было решений относительно мира. Далее было решение, что на следующий день 10 марта будут важные переговоры, 10-го утром в 11 часов вновь в муниципалитете началась встреча обеих партий, со стороны партии экстремистов были предъявлены следующие требования:

- 1). изъятие оружия у антиэкстремистской партии;
- 2). освобождение Краснощекова и Мухина, находящихся под арестом.

Если даже у комитета экстремистских партий были намерения не принять указанные выше условия, то все завершилось принятием резолюции на основе резкого протеста наших представителей команды самообороны». (Выделение В. Фудзимото).

Этот мятеж в конце концов был подавлен семитысячным отрядом Красной гвардии, сформированным в Благовещенске, а также вспомогательными отрядами из Хабаровска и Владивостока. Гамов бежал в Харбин. В результате этого инцидента советская власть обрела базу в Амурской области.

В Забайкалье, в Чите, 3 января 1918 г. была установлена коалиционная власть под названием Народного собрания Забайкалья, в состав которой входили меньшевики, руководители читинской организации социал-демократической партии. Она хотя и поддерживала петроградских рабочих, но, с другой стороны, была властью, включавшей в себя все партии, именовавшиеся социалистическими, от эсеров и меньшевиков до большевиков. Фракция читинских большевиков также приняла решение о своем участии в этом собрании. Однако эта власть, во главе которой стоял меньшевик Ваксберг, осуществляла разоружение отрядов красногвардейцев, освобождение контрреволюционных казаков, следовала курсу Временного правительства в аграрной политике, и с заключением мира с Германией 16 марта руководство ее было арестовано казачьими отрядами и красногвардейцами, вернувшимися с фронта. Нужно сказать, что роль этих казаков в Забайкалье была велика.

Самым большим вопросом для рядовых казаков было отношение к утрате привилегий, связанных с казачьим сословием. Верхние и средние слои казачества сопротивлялись утрате привилегий и превращению в крестьянство, однако амурские и уссурийские казаки в марте и апреле 1918 г. приняли решение об упразднении казачьего сословия, а забайкальские казаки отставали. Но во всяком случае можно сказать, что большая часть казаков Дальнего Востока отличалась от донских и кубанских, которые организовали сильную контрреволюционную партию.

В ходе такого становления советской власти во всех районах был проведен с 16 по 26 февраля 1918 г. съезд в масштабе всей Сибири и Дальнего Востока. На съезде, который назвали Вторым общесибирским съездом советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, собрались 202 делегата советов от Урала до Владивостока. Партийный состав был таков: большевиков — 123, левых эсеров — 53, анархистов — 8, правых эсеров — 7, объединенной меньшевистской партии — 2. Этот съезд разработал то, что нужно назвать своего рода «Конституцией Советской Сибири», определившей законы организации советов в Сибири и на Дальнем Востоке, избрал Центральный исполнительный комитет советов Сибири (Центросибирь). Председателем вначале был избран Шумяцкий, но потом заменен большевиком Яковлевым.

С 8 по 14 апреля в Хабаровске состоялся IV съезд советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов Дальнего Востока, где главный руководитель дальневосточного региона Краснощеков произнес такую речь: «Сейчас

советская власть победила на всем Дальнем Востоке, от далеких берегов Камчатки и Сахалина до озера Байкал, от якутской тундры и тайги до залива Петра Великого». На этом съезде правительство региона назвали Дальневосточным Советом Народных Комиссаров. В это время в ходе революции был ликвидирован курс на соглашение с земствами. Дальневосточный Совет Народных Комиссаров стал правительством, имевшим 9 отделов — от финансов и внешних дел до земли и переселения. Однако во всех областях Дальнего Востока существовала сильная тенденция к независимому движению, уже намеченная ранее. Следовательно, нужно полагать, что Дальневосточному Совету Народных Комиссаров было трудно контролировать все тенденции в регионе. Это не могло не проявиться как отрицательный фактор в ходе ликвидации советской власти с началом интервенции в Сибири, во главе которой была японская армия.

Параллельно со становлением советской власти в масштабе всего Дальнего Востока в городе встал вопрос о рабочем контроле над заводами и банками, в деревне в повестку дня был поставлен аграрный вопрос, отличавшийся сложностью. Об этом говорится в воспоминаниях одного из деятелей в 1923 г.: «...В действительности никто не был доволен. Крестьяне ждали перехода в свои руки пастбищ от бурят, буряты требовали возвращения земли, некогда отобранной у их предков, казаки подозрительно прислушивались к разговорам о резервных воинских землях».

Кроме того, малоземельные крестьяне (переселенцы) хотели упразднения привилегий старожилов и казаков, хотели земельного передела. Среднее крестьянство (старожилы и казаки) колебалось, но по возможности сохраняло свои земли, стремилось к сохранению наемного труда и сдачи земли в аренду. Не существовало способа удовлетворить всех, но многие из этих слоев поддерживали советы. В этом заключалась причина того, что политика советов приобретала промежуточный характер. Советы могли наделить малоземельных крестьян землями, но они не спешили сразу же упразднить привилегии в отношении земли казаков и старожилов.

Можно сказать, что по сравнению с центром практика установления советской власти на Дальнем Востоке была более мирной и постепенной.

¹ Из изложенного видно, что к 1917 г. Забайкальская область к территории Дальнего Востока (Приамурского генерал-губернаторства) не относилась) (Б. Мухачев).

² Более показательны цифры количества населения за 1917 г. Так, во Владивостоке по переписи 15—18 сентября того года без воинских частей население составило 111 706 чел., в том числе китайцев 15 190 (Красное знамя. 1917. 7 нояб.). Примеч. Б. Мухачева.

³ Правильнее — 6 декабря.

⁴ Правильнее — 11 декабря.

⁵ В сибирской ссылке Краснощеков не был. Уехал за границу с территории Украины.

⁶ По-видимому, имеются в виду декреты Совета народных комиссаров.

Перевод с японского **В. В. СОВАСТЕЕВА**

SUMMARY: The article by Japanese scholar Wakio Fujimoto «The Formation of the Soviet Power in the Far East» contains the analysis and estimates of the events of the post-revolutionary period in the Far Eastern region of Russia. There considered also the situation in the region before 1917. The article is satiated with facts and figures. It takes into consideration the wide sections of antagonistic forces.